
Мусин А. И. На волне метафизического поворота : рецензия на книгу А. О. Баумейстера «Лекции по метафизике» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 401–422.

АРТЕМ МУСИН*

НА ВОЛНЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОВОРОТА**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. О. БАУМЕЙСТЕРА «ЛЕКЦИИ ПО МЕТАФИЗИКЕ»

БАУМЕЙСТЕР А. О. ЛЕКЦИИ ПО МЕТАФИЗИКЕ. — М. : РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ, 2023.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-1-401-422.

В русскоязычном научном и образовательном пространстве в последнее время наблюдается значительный интерес к метафизике. Например, знаменателен выход в 2024 г. в издательском доме Высшей школы экономики учебника по современному введению в метафизику (Лакс и Крисп, Семиколенных, 2024). Кроме того, в московском издательском доме «Русская философия» в 2023 г. были изданы лекции украинского философа, доктора философских наук Андрея Баумейстера. Эта книга, вышедшая в текущей политической ситуации, лишь подчеркивает важность и актуальность метафизики для современных мыслителей — не только профессиональных философов, но также теологов и представителей естественных наук.

Автор лекций популяризирует философию для современного человека, предлагая использовать ее для анализа мира вокруг, и пытается открыть богатый мир метафизики, изъясняясь на доступном для новичка языке. Книга представляет собой расшифровку 17 прочитанных лекций, сохраняя живой стиль, близкий к стилю устной речи. Периодически возникают вопросы из аудитории, которые также находят здесь ответы и объяснения.

Во вводных лекциях Баумейстер пытается раскрыть термин «метафизика», начиная лекцию № 1 «Метафизический поворот в современной философии» с истории. Главная философская наука — метафизика — занимается вопросами о порядке реальности и ее основных свойствах и доминирует до XVII в., когда акценты в метафизике смещаются на вопросы познания. В XIX–XX вв. она подвергается серьезным атакам, идут

*Мусин Артем Игоревич, диакон, к. физ.-мат. н., доцент, Вятский государственный университет (Киров), ai.musin@physics.msu.ru, ORCID: 0000-0002-3167-9023.

**© Мусин, А. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

«разговоры о том, что метафизика, собственно как и моральная философия, и теология, ставит бессмысленные вопросы» (Баумейстер, 2023: 5), метафизику хотят преодолеть. Тем не менее в конце XX – начале XXI в. метафизика вновь возвращается в современное философское пространство. Ее вводят в моду аналитические философы, и автор отмечает это как причину относительной сложности многих учебников по метафизике: ведь в аналитической философской традиции обязательна рефлексия по поводу языковых структур и использование математической логики. Впрочем, метафизика постепенно проникает из англо-американской аналитической традиции и в континентальную философию.

Итак, зачем нужно размышление над метафизическими вопросами? Сталкиваясь с реальностью, в которой часто нужно решить, как «на самом деле», — от банального «кто виноват в правонарушении» до высоконаучного «где есть физический эффект, а где просто шумы установки», — мы должны обладать критериями различения истины и лжи, реальности и иллюзий. Баумейстер говорит: «Реальность — это конструкт наших способов видения. То, что мы называем реальностью, возможно только в свете наших схем мышления» (там же: 10).

Продолжая введение в тему, автор приводит множество примеров. Он говорит о том, что такие великие физики, как Эрвин Шрёдингер и Вернер Гейзенберг, ощущали необходимость философии и указывали на ограничения физики. Дополним автора и приведем пару точных цитат:

Мы вправе предполагать, что живая материя подчиняется новому типу физического закона. Или мы должны назвать его нефизическим, чтобы не сказать: сверхфизическим законом? (Шрёдингер, Данилов, 2002: 83).

В XIX веке естествознание было заключено в строгие рамки, которые определяли не только облик естествознания, но и общие взгляды людей [...] эти рамки были настолько узкими и неподвижными, что трудно было найти в них место для многих понятий нашего языка, например понятий духа, человеческой души или жизни (Гейзенберг, Акчурина и Андреев, 1989: 124).

В лекции № 2 «Зачем сегодня нужна метафизика» Баумейстер вводит понятие «великая натуралистическая история» (англ. *big history*), в рамках которой считается, что естественных наук — физики, химии, биологии — достаточно для описания реальности. Определяющие этапы *big history* автор не раскрывает подробно по пунктам, но мы можем обозначить их так:

- (1) Возникновение Вселенной приблизительно 14 млрд лет назад в результате Большого взрыва;

- (2) Расширение Вселенной, образование за счет случайных процессов (которые физики называют *флуктуациями*) первых звезд из газопылевых облаков, в которых при достаточной степени сжатия запускаются реакции термоядерного синтеза тяжелых химических элементов из водорода;
- (3) Выгорание первых звезд и их «смерть» (взрывы сверхновых), в результате чего в межзвездную среду раскидываются синтезированные тяжелые элементы;
- (4) Формирование Солнечной системы, в частности планеты Земля;
- (5) Синтез первых органических соединений на Земле в первичном океане (опять же за счет флуктуаций). Возникновение жизни — первых клеток, одноклеточных организмов, которые воспроизводят сами себя;
- (6) Далее — процесс эволюции, длящийся миллионы лет, который приводит к появлению человека;
- (7) Возникновение сознания у человека.

Тут же Баумейстер говорит, что такая натуралистическая картина мира тотальна, она исключает альтернативные точки зрения или, как выразился бы Жан-Франсуа Лиотар, претендует на то, чтобы быть метанарративом. Между прочим, в своей работе «Состояние постмодерна» Лиотар настаивает на необходимости выделить две категории знания: не только позитивизм для развития техники и технологий, но и «знание критическое, рефлексивное или герменевтическое» (Лиотар, Шматко, 1998: 41), задающееся вопросом о ценностях и целях. Если же мы стоим только на позициях жесткого натурализма, то приходим к онтологическим разрывам.

- (1) Разрыв с *повседневной реальностью*. В натуралистическую реальность, описываемую естественными науками, не вписывается наше представление о любви и ненависти, о добре и зле. Если мы допускаем их возможность, то получается, что иллюзорные и необъяснимые с точки зрения естественных наук вещи влияют на истинную реальность (почему-то). Пример: ученый, развивающий научные теории, чувствует, страдает, стремится к истине, у него есть представление о прекрасном — красивое он получил уравнение или нет. Ведь известно, что некрасивость уравнения часто побуждает физика искать ошибку в рассуждениях. Если приверженец *big history* отрицает эмоции — то для него ученый превращается в бесчувственную машину по штамповке научных теорий.

- (2) Разрыв *математика — физическая реальность*. Математические соотношения универсальны. Если считать математические утверждения порождением нашего сознания, подобно эмоциям, то опять что-то иллюзорное и нефизическое влияет на физическую реальность. Если мы говорим о том, что математические законы объективны, а люди их постепенно расшифровывают, то приходим к платоновскому миру идей, стоящему за реальным физическим миром. Потому что математические объекты, такие как числа и фигуры, — абстракции, не существующие в физической реальности, но ее описывающие.
- (3) Разрыв *сознание — мозг*. Мозг как физический объект активно изучается, но непонятно, что такое сознание, с точки зрения *big history* это сложно объяснить. В эту тему надо погружаться отдельно, но видно, что словарь натуралистической картины мира недостаточен для описания сознания, и это надо понимать, не отвергая метафизику, которая не вписывается в естественные науки.
- (4) Разрыв *принципы/ценности — факты/события*. Истина не является тем, что мы наблюдаем в физической реальности. Парадокс состоит в том, что для атомов все равно, $2 + 2 = 4$ или $2 + 2 = 5$, у них нет чувства истинности. Поэтому рассуждение об истинности или ложности высказывания поднимается над натуралистической картиной мира и выходит за ее рамки, здесь и требуется то самое рефлексивное знание, о котором говорит Лиотар. То же касается рассуждений о природе добра и зла — в рамках эволюционизма объяснения выглядят весьма спорно. Например, социальный дарвинизм: очень странно объяснять социальные процессы через эволюцию, поскольку для эволюции нужно множество поколений, а социальные процессы разворачиваются в масштабах двух-трех.

В лекции № 3 «Постмодернизм против метафизики» Баумейстер разбирает критику метафизики с разных сторон. Во-первых, речь идет о критике со стороны *сциентизма* как философского направления, в котором науками считаются только естественные науки и единственный разрешенный способ познания — это познание через язык естественных наук. Во-вторых, это критика со стороны философов подозрения (Маркс, Ницше и Фрейд) и их последователей, которых историки философии обозначают разными терминами; следуя Диане Гаспарян, мы их можем назвать неклассическими философами (Гаспарян, 2011). Эта

партия, наоборот, критикует метафизику за имитацию научности, имитацию, которая душит мыслителя из-за абсолютного диктата разума. «Метафизика порождает эту власть науки, метафизика ответственна за scientизм [...] Метафизика оказывается [...] между Сциллой и Харибдой. Одни говорят метафизикам — вы ненаучны, а другие говорят — вы слишком научны» (Баумейстер, 2023: 38).

Почему же метафизика попадает под удар неклассиков? Баумейстер объясняет: эти философы точно так же интересуются фундаментальными структурами реальности — концептуальными схемами, являясь конкурентами метафизиков; но, в отличие от них, пытаются вскрыть эти схемы и показать, как репрессивный разум по ним создает фантомы. Опять же, автор не систематизирует претензии неклассиков к разуму, его задача — ознакомить слушателя с основами. Поэтому при освоении третьей лекции Баумейстера новичкам в качестве дополнительного чтения можно рекомендовать замечательную главу «Обвиняется Разум» из книги «Введение в неклассическую философию» (Гаспарян, 2011: 162–170), где претензии неклассиков к разуму выписаны и раскрыты по пунктам: (1) инструментальность; (2) циничность; (3) неотличимость от неразумия; (4) беспредпосылочность; (5) неспособность определить финальные цели; (6) нечувствительность к морали.

В лекции № 4 «Природа метафизического вопрошания» Баумейстер вводит в проблематику метафизики вопрос о том, включать ли в онтологию особые сущности или особые сферы реальности, приводя яркие примеры. Особенно здесь примечателен приводимый Баумейстером пример — история американского гольфиста Кейси Мартина, рассказанная в книге «Справедливость. Как поступать правильно?» (Сэндел, Калинин, 2013: 239–244). Этот гольфист из-за проблем с ногами попросил разрешения использовать гольф-кар, поскольку это не влияет на сущность игры. Вопрос о сущности гольфа в итоге дошел до Верховного суда США и был решен на основе философии Аристотеля.

В лекции № 5 «Логический позитивизм против метафизики» Баумейстер еще раз подчеркивает основные позиции критиков метафизики. О постмодернистах он говорит так:

Философы решили, что истина тоталитарна. Но ни одно из ремесел и ни одна из наук не исходит из этого мнения. Истина состязательна, но это происходит из мысли, что истина возможна. Даже если мы не обладаем ей в абсолютной мере, мы должны к ней стремиться [...] Философия в XX в. [...] создала гетто, где отменила все главные законы рациональности и любой осмысленной человеческой деятельности, превратив это гетто в игру

без правил. Метафизика возвращается к простому, понятному языку. Мы стремимся к истине (Баумейстер, 2023: 68).

После этого автор пытается рассказать об основных положениях логического позитивизма и о том, почему представители этого направления критикуют метафизику. С их точки зрения, наука состоит из предложений двух типов: (1) *формальные*, относящиеся к математике и логике, и (2) *эмпирические*, описывающие опыт в сфере чувственного переживания. Любое научное высказывание должно быть подтверждено серией формальных и эмпирических предложений, отсылающих нас к простым чувственным данным (принцип *верификации*).

Верификация метафизических, теологических и моральных утверждений не удастся. Например, теологическое предложение «Бог существует» не является формальным и не является эмпирическим, так как в позитивистской науке признается *проверяемый* опыт, то есть опыт от третьего лица, а не от первого лица (каким является опыт религиозных переживаний). Точно так же нельзя верифицировать моральное предложение «Нельзя обижать животных».

Отвечая логическим позитивистам от лица метафизики, Баумейстер говорит, что, во-первых, принцип верификации не может обосновать сам себя, то есть является априорным. Кроме того, тут видна проблема индукции: с точки зрения логики безупречны только дедуктивные умозаключения. Индукция, индуктивные методы установления причинных связей, аналогия, обратная дедукция хоть и используются широко в рассуждениях, не гарантируют достоверность вывода, и «умение проводить границу между достоверными и вероятностными умозаключениями — неотъемлемый компонент логической культуры» (Воронцов, 2023: 66).

Лекцию № 6 «Человек как метафизическое существо» Баумейстер начинает с утверждения, что обе партии критиков метафизики на самом деле исходят из метафизических предпосылок. По отношению к логическим позитивистам он подчеркивает, что само разделение предложений на формальные и эмпирические — метафизического характера. «Метафизика, как вопрос о базовых схемах мышления, понимания, неустранима» (Баумейстер, 2023: 72).

Автор критикует и другую метафизическую предпосылку логических позитивистов, которая утверждает, что формальные предложения хорошо работают в сфере опыта (эмпирии). На нерелевантность понятий логики реальным физическим объектам указывает и Д. Гаспарян, например, на отсутствие тождеств в реальном мире (Гаспарян, 2011: 91),

которое она связывает со структурой языка. «Язык софистичен, так как требует от нас названия вещей в терминах тождеств, в то время как вещи есть не тождества, а *чистые процессуальности*» (Гаспарян, 2011: 93; курсив автора. — А. М.).

Баумейстер спрашивает: «Каким образом абстрактные символы являются успешными инструментами для исследования опыта?» (Баумейстер, 2023: 72). Соотношение концептуальных схем и реальности, языка и действительности — метафизическая проблема. И метафизика пытается прояснить базовые структуры реальности, реальности, которую каждый имплицитно имеет внутри самого себя. Метафизика призвана найти главные концепты этих структур и разместить их в систему.

В лекции № 7 «Язык и реальность» Баумейстер рассматривает некоторые базовые слова метафизики, обсуждая проблему терминологии. Возникнув в грекоязычном пространстве, термины метафизики далее переводились на латинский язык, при этом создавались искусственные слова-описания. Автор считает, что «очень удачным было решение для новых языков: английского, французского, итальянского — усвоить схоластическую терминологию. Слова сохранили смысловую нагрузку, претерпев минимальные изменения в написании и ударении» (там же: 77).

Первый вводимый термин реальности — *энергия*, это то, что прямо осуществляется, реально происходит. Пример: студент может прочесть диалог Платона, у него есть такая возможность, но если студент *читает* диалог Платона и понимает его, то его возможность переходит в действительность, онтологическая ситуация меняется.

Далее Баумейстер говорит, что если «концептуальные схемы — это обязательный способ нашего отношения к миру и друг к другу» (там же: 78), то необходимо прояснение отношений между символами, понятиями, языком и самой реальностью. Тут возникает две позиции: *метафизический реализм* и *метафизический конструктивизм*. Для реалистов первична реальность, для конструктивистов первичен язык и понятия языка, которые формируют реальность.

На мой взгляд, здесь разница между реализмом и конструктивизмом показана лектором не совсем ясно, хотя он приводит некоторые примеры. В целом для дальнейшего погружения в указанную разницу, а также в трудности метафизического реализма, можно советовать упомянутый учебник Лакса и Криспа (Лакс и Крисп, Семиколенных, 2024: 37–72).

Лекцию № 8 «Ключевые слова метафизики: бытие, сущность, существование» Баумейстер начинает с проблемы языка. Он говорит, что в поздних работах Л. Витгенштейна слова — это не знаки вещей, а нечто,

что создается в различных языковых ситуациях, которые Витгенштейн назвал *языковыми играми*. Одно и то же слово в разных языковых ситуациях может иметь диаметрально противоположные значения. Таким образом, «существует плюрализм миров, плюрализм значений, и вся классика — это ложь» (Баумейстер, 2023: 84).

Метафизические конструктивисты хотя и не поддерживают критику Витгенштейна, но мыслят в том же русле, что реальность возможна благодаря языку, от него зависит та реальность, которую мы получаем в результате. В пользу конструктивистов Баумейстер приводит пример различных оттенков смысла аналогов слова «искусство» в других языках:

Каждая культура, язык, каждое слово конкретного языка толкует мир с определенной точки зрения и не может быть сведено к другому языку, другим словам. Например, греки говорят *teche*, не отличая искусство от техники, греческий язык не знает искусства в возвышенном значении слова. Латинское *art* указывает на сделанность вещи, на продукцию. *Kunst* происходит от *Können*, то есть мочь. Они имеют в виду могущество что-либо сделать. Русское слово «искусство» говорит об опытности, искусственности, вкусе. На украинском *мистецтво* тоже является совершенно другим словом, нежели искусство. Мы попадаем в разные миры (там же: 86).

Также он приводит и другие примеры, которые могут поддержать позицию теперь уже метафизических реалистов:

Так, например, если мы пойдем в лес и увидим дерево, название которого не знаем ни на каком языке, мы увидим некую структуру дерева. И когда мы завтра пойдем в лес, мы опознаем это дерево, мы его не называем, но оно для нас есть. Если нам скажут, что это дуб, мы поблагодарим этого человека, но до того, как нам скажут, как оно называется, мы не знаем, что это, но понимаем, что это дерево, которое мы всегда сможем идентифицировать. Аналогичная ситуация будет с цветами. Даже если мы не знаем их названия ни на каком языке, мы все равно знаем их структуру, мы знаем их как вещь, которую мы можем опознать без имени и без слова. Большинство наших переживаний вообще без имени, мы не можем их назвать, но они у нас есть (там же: 87).

Подводя итог своим рассуждениям, Баумейстер замечает, что все-таки сознание человека мыслит образами, которые мы можем при необходимости детализировать все глубже и глубже, даже если человек не может их назвать.

В лекции № 9 «Главные метафизические модели: Аристотель» Баумейстер обозначает классические модели реальности.

- (1) Первая модель — аристотелевская, которой придерживается большинство современных аналитических метафизиков. Точнее ее было бы назвать платоново-аристотелевской.
- (2) Вторая модель, возникшая в результате влияния монотеистической теологии (прежде всего христианской) на европейскую мысль.
- (3) Третья модель — кантовская, которая учитывает две предыдущие.

Как известно, Платон учит об идеях объектов (универсалиях), которые «вечны, необходимы, нематериальны, неизменны и постигаются только мышлением» (Баумейстер, 2023: 93). От любого чувственно воспринимаемого объекта можно постепенно переходить к его базовым структурам и взаимоотношениям. Здесь Баумейстер опять упоминает Гейзенберга — его позицию, согласно которой современная физика ближе к Платону, чем к Демокриту, поскольку «мельчайшие части материи не являются первичными образованиями [...] не являются первичными элементами самой реальности» (там же: 92). Дополним цитатой из «Физики и философии», где Гейзенберг, действительно, пишет:

По теории относительности масса и энергия, в сущности, одно и то же, и поэтому можно сказать, что все элементарные частицы состоят из энергии. Таким образом, энергию можно считать основной субстанцией, первомаатерией. [...] Современная физика выступает против положения Демокрита и встает на сторону Платона и пифагорейцев. Элементарные частицы не являются вечными и неразложимыми единицами материи, фактически они могут превращаться друг в друга. [...] Элементарные частицы, о которых говорится в диалоге Платона «Тимей», ведь это в конце концов не материя, а математические формы. [...] В современной квантовой теории едва ли можно сомневаться в том, что элементарные частицы в конечном счете суть математические формы, только гораздо более сложной и абстрактной природы (Гейзенберг, Акчурин и Андреев, 1989: 35–36).

Свою позицию Гейзенберг обосновывает тем, что элементарные частицы являются так называемыми *собственными решениями* волнового уравнения, при этом как для платоновских геометрических тел важную роль играла симметрия, так и для уравнений квантовой физики симметрия играет ключевую роль. Свойства симметрии соотносятся с пространством и временем, они также связаны с характеристиками элементарных частиц — *квантовыми числами*.

Аристотель, улучшая модель Платона, создает свою модель, которая легла в основание современной аналитической метафизики. В его

концепции реальность состоит из индивидуальных субстанций (партикулярий), обладающих главными свойствами и второстепенными. Однако в картине Аристотеля возникают некоторые нестыковки.

Матрица мира, по Аристотелю, платоновская — это универсальные формы, которые экземплифицируются отдельными конкретными материальными вещами [...] формы не существуют сами по себе, никогда, они всегда существуют в индивидах, в индивидуальных субстанциях (Баумейстер, 2023: 104).

Лакс и Крисп так описывают проблему аристотеликов: «существование универсалии оказывается у них зависимым от существования чего-то, ее экземплифицирующего; таким образом, все переворачивается с ног на голову [...] подобные воззрения разрушают центральную идею метафизического реализма» (Лакс и Крисп, Семиколенных, 2024: 71).

В лекции № 10 «Влияние теологии на метафизику. Бог и бытие» Баумейстер переходит к наложению идей монотеизма на платоновско-аристотелевскую модель. Эти идеи очень продуктивны для прояснения бытия и, как следствие, познания. В рамках монотеизма метафизические вопросы по-другому ставятся и на них получаются другие ответы.

Первопроходцем на этом пути Баумейстер называет Филона Александрийского, эллинизированного иудея, совместившего философский аппарат платонизма с толкованием Торы. Идея единого Бога спасает универсальные формы (универсалии), помещая их в замысел Бога о мире — проект сотворенного бытия. Имя, которое Бог называет Моисею в Исх. 3:14 (אֲנִי אֲהֵי יְהוָה — букв. «Я есть Тот, кто Я есть»), на греческом передается как «бытие» и в истории христианской мысли всегда понималось именно через призму онтологии.

Восприятие Бога Филоном Александрийским как подлинно и единственным образом существующего перешло в христианскую церковную теологию. Тут Баумейстер приводит примеры и цитаты из Григория Назианзина, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и, конечно, Августина.

Только в XX в. предпринимаются попытки избавиться от метафизики и в этом вопросе. Комментируя перевод Исх. 3:14 Мартина Бубера, Баумейстер говорит:

Бубер пытается историзировать то, что в греческом переводе онтологизировано. Он хочет подать имя Бога Израиля как имя историческое, а не метафизическое [...] По Буберу, еврейский оригинал говорит о том, что Бог всегда будет со своим народом и никогда его не оставит [...] Это было модной попыткой избавиться от плена метафизики в понимании Торы (Баумейстер, 2023: 111).

Итак, идея Бога как абсолютного Бытия объединяет христианство и платонизм. Современный православный теолог Дж. П. Мануссакис так это выражает:

Бог — никоим образом не монополярная собственность теологии. [...] Тот факт, что Бог занимает столь важное место в метафизическом мышлении, невозможно просто списать на «похищение» метафизики христианской Церковью, как поспешно заявляют многие (Мануссакис, Морозова, 2014: 26–27).

Лекцию № 11 «Главные метафизические модели: Кант» Баумейстер начинает с жизнеописания Канта, а затем переходит к его главным идеям, которые являются реакцией на проблему существования объективного мира — «мыслители модерна с этой проблемой не справились» (Баумейстер, 2023: 115). Декарт считал, что идея Бога в сознании является гарантом убежденности субъекта в познании внешнего мира. «Конечно, для философии это скандал. Если идею Бога или Бога мы отбрасываем, то у нас нет шансов на адекватное познание» (там же: 115–116). У Лейбница также корреляция между сознанием и внешним миром обеспечена Богом.

Итак, Кант предлагает не приспособленчество сознания по отношению к внешнему миру, а наоборот: сами объекты зависят от нашего сознания. «Мы познаем только явление. А совокупность явлений, как реальных, так и потенциальных, это то, что Кант называет опытом [...] Говоря другими словами, мы познаем не саму реальность, а ее проекцию» (там же: 117). Далее автор приводит пример из Николая Кузанского:

Представим себе, что треугольник вписан в круг. Круг — это исчерпывающее видение этой книги. А каждый угол в треугольнике — это тот или иной аспект, нюанс, в котором дана нам эта книга. Рассматривая эту книгу с разных перспектив, мы можем насчитать тысячи ракурсов. И вот мы постоянно вписываем в круг новые и новые ракурсы. В конце концов у нас пропадет место на периферии круга, потому что эти ракурсы неисчерпаемы. Но при этом, говорит Николай Кузанский, треугольник никогда не превратится в круг. Это интеллектуальная истина, не чувственная. Точно так же и с любой познаваемой вещью, мы ее знаем только в той или иной перспективе. Мир открывается нам совсем не таким, каким нам дается в чувственном ли переживании, в непосредственном ли нашем опыте (там же: 117–118).

Развивая этот пример уже на современном материале, автор заявляет, что «наука, развиваясь, показывает нам неисчерпаемость познания [...] Все эти новые открытия в химии, биологии, физике можно

рассматривать как новые треугольники в круге. Никогда все эти гипотезы и теории не постигнут мир таким, какой он есть на самом деле» (Баумейстер, 2023: 118).

Таким образом, Кант производит революцию в образе мышления, своеобразное обращение перспективы. О физических законах Баумейстер рассуждает так:

Физические законы, по Канту, это не законы самой реальности, а те закономерности, которые мы сами накладываем на реальность [...] По-другому говоря, Бог не знает теории относительности Эйнштейна. Он присутствовал во время формулировки, он это слышал, видел, но для него этого нет [...] все эти законы, все эти правила мы придумываем сами. А все, что не подпадает под эти законы, просто не входит в нашу проекцию (там же: 123).

В лекции № 12 «Трансцендентальная философия Канта в главных чертах» Баумейстер продолжает пересказывать основные идеи Канта. Он говорит: «для Канта [...] происхождение математики коренится в априорном устройстве нашей чувственности, а не интеллекта [...] Кант говорит, что у Бога и ангелов нет никакой математики, ведь математика связана с нашей чувственностью» (там же: 125), Также автор подмечает, что при этом у Канта нет трактата по философии математики, все остальные рассуждения на этот счет — это уже реконструкция кантианства.

Кант дает главное правило, а мы дальше по этим правилам можем пытаться работать. И это делали неокантианцы, например Герман Коген, Пауль Натторп, Эрнст Кассирер, они уже создавали и применяли кантианство к современной физике, к современной математике (там же: 126).

Познание реальности, по Канту, непосредственно происходит через чувственность, а рассудок — это «опосредованный, не прямой доступ, а через инструмент понятий» (там же: 127). И таким образом, пространство и время — не понятия, а формы чувственности. А уже с помощью особых инструментов — понятий — мы можем упорядочить мир и работать с ним как с некой структурой и вообще знать что-либо о мире.

Без понятий мир бы нас постоянно взрывал, поток необработанной информации ввергал бы нас в постоянный хаос. Чтобы избавиться от этого хаоса, чтобы изобразить его как четкие структуры, в которых мы можем ориентироваться, нам нужны понятия [...] То есть абстракции — это власть над миром (там же: 128).

Кроме эмпирических понятий, есть 12 чистых, априорных понятий рассудка: группа *количества* (единство, множество, всецелость), группа *качества* (реальность, отрицание, ограничение), группа *отношения* (субстанция/акциденция, причина/следствие, сообщение) и группа *модальности* (возможность/невозможность, существование/несуществование, необходимость/случайность). Эти категории мы сами привносим в мир. Например, мы привносим категорию причины/следствия, когда говорим, что событие А является причиной события Б, хотя изначально каждое из этих событий просто произошло, а мы воспринимаем их в фокусе причинно-следственных связей.

В лекции № 13 «Грамматика метафизики: универсалии, категории, трансценденталии» Баумейстер затрагивает дискуссию вокруг категорий и универсалий — каким образом они существуют, или, иначе говоря, каков их онтологический статус? По Аристотелю, категории свойственны и самой реальности, по Канту, категории принадлежат исключительно нашему мышлению. В современной аналитической метафизике весьма активно ведутся дискуссии по поводу универсалий — «сущностей, которые могут быть одновременно экземплифицированы несколькими разными объектами» (Лакс и Крисп, Семиколенных, 2024: 37). В Средневековье возникли три основных направления — реализм, концептуализм и номинализм — как три разных ответа на вопрос о том, каким образом существуют универсалии.

«Реализм — это те философы, которые считают, что универсалии существуют вне нашего сознания, это платоновская линия. Они имеют экстра-ментальный статус, то есть вне разума» (Баумейстер, 2023: 137). И вне нашего сознания существует, например, представление об удобстве и комфорте, которое может реализоваться на практике путем создания орудий труда и инструментов. Или — другой пример — идея красного, которую мы потом видим, когда перед нами находится красный стол, красное яблоко и т. д.

Концептуалисты же скажут, что реалисты неправильно понимают реальность. Они утверждают, что универсалии не существуют вне нашего сознания. Универсалии возникают следующим образом: мы берем яблоко, красную книгу, а после мы абстрагируем красное от конкретных красных вещей и образуем понятие «красное». То есть мы образуем понятие, по-латыни *conceptus*. Все наши понятия — это продукты нашего интеллекта, нашего разума. Понятия создаем мы, сталкиваясь с индивидуальными вещами. Существуют только индивидуальные вещи, говорят концептуалисты, но мы, сталкиваясь с индивидуальными вещами, создаем общее понятие. Здесь концептуалисты близки

к рационализму в том смысле, что наши понятия, когда мы их образуем, каким-то образом соотносятся с реальным миром. Но все понятия созданы нашим интеллектом. В этом смысле Кант концептуалист. Категории, все понятия мы создаем, сталкиваясь с внешним миром. Так, в контексте яблока быть красным, быть сладким, быть круглым — это концепты, которые мы создаем, сталкиваясь с конкретными яблоками. Это наши интеллектуальные инструменты, понятия — наш главный инструмент. Весь наш познавательный аппарат, все, что мы называем инструментами познания, — это все мы создаем (Баумейстер, 2023: 138–139).

Обсуждая воззрения концептуалистов, Баумейстер переходит к теме теорий научной истины, которая занимает важное место в современной философии науки. Основные теории указывает в своих лекциях С. А. Лебедев: корреспондентская, когерентная, интуитивистская, эмпиристская, конвенционалистская, прагматистская, инструменталистская, психологическая, консенсуалистская, постмодернистская (Лебедев, 2023: 203–204). В рамках консенсуалистской теории научная истина — это согласие сообщества интерпретаторов (то есть профессиональных ученых) о том, какие высказывания и научные теории можно считать истинными. И если умеренный реалист Фома Аквинский «допускает, что универсалии всегда существуют в сознании, но могут быть в сознании человека, а могут быть в сознании Бога» (Баумейстер, 2023: 138), то при концептуалистском взгляде на универсалии место сознания Бога заменяет коммуникативное пространство выработки истины — то есть сообщество экспертов (там же: 139).

Итак, *реалисты* утверждают экстра-ментальный статус универсалий, *концептуалисты* — ментальный статус, а есть еще *номиналисты*, которые «говорят, что универсалии имеют только языковую или лингвистическую реальность» (там же: 140). То есть общие понятия — это только слова. Тут Баумейстер упоминает и течения внутри номинализма — теорию тропов и фикционализм, которые детально разбираются у Лакса и Криспа (Лакс и Крисп, Семиколенных, 2024: 106–120).

В завершающей части этой лекции Баумейстер говорит о трансценденталиях как наиболее общих свойствах реальности.

Любое понятие ограничивает реальность. Трансценденталии же настолько велики, что переступают границы всех понятий, они максимально широки. Традиция учит, что зачатки этого учения присутствовали уже у Аристотеля, а в XIII в. уже Филипп Канцлер, Фома Аквинский и схоластика учат теории трансцендентальности. Примеры следующие — это единое, истинное, благое и прекрасное. Это наиболее общие понятия, которые переходят все границы

понятий, описывающих бытие в том или ином аспекте. Бог трансценденталист. Бог создает один мир, и это единство мира превышает все понятийные ограничения. Он создает один мир согласно слову, то есть согласно истине, этот мир прекрасен с эстетической точки зрения, и этот мир хорош, он благой. Это все в традиции называется универсалиями: это такие общие понятия, которые максимально широки, они в терминах Средневековья конвертируются с бытием, они взаимопереводимы по общности, их общность — это вся реальность: Единое (лат. *Unum*), Истинное (лат. *Verum*), Благое (лат. *Bonum*), Прекрасное (лат. *Pulchrum*) (Баумейстер, 2023: 141–142).

В лекции № 14 «Реальность духа: что такое сознание» Баумейстер начинает рассматривать проблемы философии сознания. Что есть сознание? Если сознание физично, то его можно исследовать только с помощью естественных наук. В когнитивные науки, изучающие сознание, входят: 1) нейрофизиология; 2) психология; 3) лингвистика и нейролингвистика; 4) искусственный интеллект; 5) философия сознания. Баумейстер замечает, что философия сознания в основном ориентирована естественнонаучно, и философы с такими взглядами «распространяют внутренние ограничители естественных наук и на сознание» (там же: 144). Это приводит самых последовательных из них, которых называют *редукционистами*, к отрицанию сознания вообще и признанию только деятельности мозга, которая как раз и изучается естественнонаучными методами. С точки зрения этих философов, субъективные переживания человека — это сопутствующие явления (эпифеномены) или иллюзии, создаваемые мозгом, и поэтому они не могут входить в сферу научного рассмотрения.

Некоторые философы сознания, например Джон Сёрл, хотя и считают себя материалистами, но в отличие от некоторых жестких физикалистов полагают, что сознание — биологический феномен. Это так называемая позиция *антиредукционизма*, в рамках которой нельзя свести (редуцировать) сознание к физической деятельности. Есть и более смелые философы, которые говорят, что «сознание — это совсем другая субстанция, совсем другая сущность, в отличие от материи» (там же: 146); такая позиция называется *субстанциальным дуализмом*. Дуалисты продолжают традицию Декарта и Платона, и хотя их меньшинство, их аргументы достаточно важны и интересны. От себя отметим, что интерес к дуалистическому подходу наблюдается среди современных отечественных философов и теологов, например, стоит упомянуть вышедшую совсем недавно монографию «Сознание как предмет целостного теологического, философского и научного исследования» (Меньшиков, 2024).

Далее Баумейстер возвращается к метафизике, доказывая ее важность:

Если считать, что мозг — это единственная реальность, то мы лишаемся единственного критерия отличия иллюзии от реальности. Психологи и нейробиологи знают, как мозг прекрасно может создавать фантомы и иллюзии сам по себе [...] Люди, изучающие это пространство, но при этом не изучающие метафизику, сами не понимают, что почва уходит у них из-под ног. Не замечают, что если мы говорим, что это всё все-таки мозг, что мозг принимает решения, что мозг — исток нашего Я и свободы воли, то мы теряем критерий отличия иллюзии от реальности (Баумейстер, 2023: 148).

В лекции № 15 «Можно ли объяснить сознание с помощью теории эволюции» Баумейстер разбирает, как принцип эволюции объясняет существование норм рациональности и этики, а также способность формулировать истинные высказывания о мире.

Сознание возникает как адаптация к окружающему миру, к окружающей среде [...] суровая реальность эволюционного закона выдрессировала таким образом нас с вами и наших предков, что они стали постепенно приближаться к возможности истинных высказываний (там же: 153).

Это объяснение подвергается критике со стороны современных аналитических философов и теологов, таких как Алвин Плантинга и Ричард Суинбёрн. Они утверждают, что эволюционное преимущество высказывания не означает его истинность. Баумейстер приводит некоторые примеры, среди которых идеология национал-социализма, каковая «воодушевляла солдат вермахта на то, что, когда уже все было проиграно, солдаты до конца умирали, защищая Германию» (там же: 154); эта идеология давала им преимущество, хотя и являлась ложной.

Некоторые утверждения истинны в абсолютном смысле. Априорные истины — это истины во всех возможных мирах. Эволюционистское объяснение предполагает совершенно другое понимание истины — как некой настройки. Потом вдруг из этой настройки стали непонятным образом возникать и истины с абсолютным статусом, которые были абсолютно не нужны ни для адаптации в окружающей среде, ни для выживания и продления рода. То есть эволюция породила некие реальности, некие силы, которые совершенно не нужны для потребностей эволюции. Иначе говоря, эволюция породила свою противоположность или трансцендировала за свои границы. Она создала абсолютно ненужные функции: занятия науками, занятия искусствами, пением... Самец, чтобы привлечь самку, должен спеть красивую арию, распушить перья, потанцевать. Специалисты по социобиологии могут сказать, что это прообраз

человеческого искусства. Они рассуждают так: биологически это уже есть, для ухаживания нужны голосовые связки. Но у людей происходит сбой: мы начинаем петь и заниматься музыкой не ради привлечения самца или самки, а просто так, как это делал отец главного героя романа «Отцы и дети»: жил в селе и играл на виолончели, услаждая себя музыкой. И все искусство возникает по совершенно другим канонам (Баумейстер, 2023: 154–155).

Завершая лекцию, Баумейстер еще раз акцентирует внимание на то, что переход от принципов физикализма к объяснению рациональности, этики и способности человека формулировать истинные высказывания чрезвычайно сложен. Бритва Оккама (отсечение всех сущностей, не являющихся необходимыми) как популярный современный способ мышления натурализма неудовлетворительна, поскольку великая натуралистическая история (см. лекцию № 2) дает сбой, — взаимоотношение ценностей и фактов, взаимоотношение сознания и реальности не удастся объяснить только с помощью физикализма.

В предпоследней лекции № 16 «Возрождение рациональной теологии» Баумейстер рассказывает о рациональной теологии, которая традиционно была частью метафизики, и о возврате интереса к ней в настоящее время.

Теология возникает в строго философском контексте, связана с возникновением науки, теории обоснования, и прибегают к ней, как правило, философы. И только начиная с Пьера Абеляра термин «теология» рискнули вводить в названия трактатов. Но уже в эпоху раннего модерна и в эпоху Просвещения, например, у Христиана Вольфа, рациональная теология — это термин, который становится частью философских дисциплин, рациональная теология становится отдельной философской дисциплиной, даже не названием трактата... Это одна из дисциплин, которая изучается на философских факультетах. И только Кант, нанося удар по этим попыткам, говорит о том, что теология не может быть философской дисциплиной. Но до Канта теология была важным элементом философского образования. В XIX и XX вв. существуют католическая и протестантская традиции, религиозные, но из университетской, философской практики теология постепенно уходит. В разных направлениях, в разных школах, но теология как таковая уходит. Философы пишут о религиозных вопросах, философы считают исследование природы Бога, его свойств важным, как в немецком идеализме, так и в американском прагматизме. Отцы прагматизма, такие как Уильям Джеймс, были людьми верующими и считали вообще христианскую веру одним из важных элементов своей философской доктрины, которую они называли прагматизмом. Но XX век уходит от этого термина, хотя он, конечно, остается на периферии (там же: 163–164).

Теология возвращается в современную философскую мысль через аналитическую традицию. Баумейстер называет основные книги, в которых разбираются теологические вопросы с использованием инструментария аналитической философии. Это сборники статей (Новое естественное богословие, Агарков, 2014; Оксфордское руководство..., 2013), антология А. Плантинги (Плантинга, 2014) и книга Р. Суинбёрна «Существование Бога» (Суинбёрн, Кедрова, 2014). После краткого обзора литературы по аналитической теологии Баумейстер говорит: «возврат к рациональной теологии возможен, если нам есть что ответить в первую очередь на аргументы Канта» (Баумейстер, 2023: 166). Однако Кант часто сам не объясняет свою систему, и поэтому ее уязвимость ощутили уже ближайшие последователи — Фихте и Гегель, а уж тем более философы XX в. Поэтому можно не принимать его язык, и тогда Кант перестает быть абсолютно неуязвимым.

Таким образом, Баумейстер убедительно показывает, что с теологией в университетах можно и нужно считаться всерьез. И добавим от себя, что волна метафизического поворота действительно поднимает теологию наверх, в центр академического дискурса, в том числе в России, иногда в совершенно неожиданном ключе — примером может служить работа «К теологии кода. Генезис графического пользовательского интерфейса» (Куртов, 2014).

Наконец, в заключительной лекции № 17 «Аргументы в пользу бытия Бога: Суинбёрн и Плантинга» Баумейстер сравнивает атеистическое и теистическое объяснения мира. «При атеистическом объяснении у нас возникает ситуация, когда это объяснение гораздо сложнее, чем теистическое. Можно сказать, что Суинбёрн обращает внимание на метафору бритвы Оккама» (Баумейстер, 2023: 175).

Если представить, что мир возникает в результате стечения обстоятельств и случая, на базовом уровне мир не демонстрирует целей и намерений, то допустить мировой порядок и жесткое подчинение существующим законам будет более сложным и менее вероятным объяснением, чем допустить намерения некой личности, которая создает этот мир, подчиняет его определенным законам и создает некий порядок. Теистическое объяснение ничем не уступает натуралистическому, более того, оно имеет преимущество (там же: 177).

Кроме того, что атеистические объяснения бывают сложнее, они содержат риск уплощения реальности. Многие мотивы людей — не физические, а интеллектуальные, моральные, религиозные. Марксистское

объяснение, что Вторая мировая война началась из-за желания империалистов обогатиться, кажется простым и удовлетворяющим принципу Оккама, но упускает из виду отдельных людей, которыми движут идеи.

Можно объяснить начало Второй мировой войны экономическими факторами, но Гитлер бы не воспринял это объяснение, им двигали идеи. Он был художником и почитателем Вагнера; его друг, оставивший воспоминание, сказал, что когда Гитлер впервые 17-тилетним гимназистом услышал одну раннюю оперу Вагнера, то после этого, взволнованный, Гитлер вместе с ним взмошел на холм города, где они смотрели эту оперу, и сказал, что она его изменила: теперь он знал, кем хочет стать. Он захотел изменить историю, он захотел подарить своему народу будущее. Он решил представлять свой народ. На него воздействовал Вагнер и тот идейный сюжет, который он услышал. Потом во многих своих разговорах Гитлер будет упоминать, что Вагнер — это основа нашей идеологии, Вагнер — это краеугольный камень нашего мировоззрения.

Поэтому марксист может говорить об империалистических интересах, а Гитлер — о Вагнере. И в данном случае, когда мы хотим оценить национал-социализм, мы можем использовать бритву Оккама и говорить об экономических интересах, которые, в конце концов, натуралистически толкуются, но так мы упустим адекватное объяснение. Здесь бритва Оккама проходит мимо главного объяснения: как Вагнер зацепил Гитлера, почему включились мотивы других идей, которые он использовал (Баумейстер, 2023: 173–174).

И завершает Баумейстер вопросом, зачем существует рациональная теология и теологические аргументы. По его мнению, они не нужны для обращения в веру; личный опыт, личное общение с Богом, авторитет церкви зачастую являются определяющими. Их задача — показать, что вера не является неразумной.

Итак, подведем теперь некоторые итоги. После прочтения книги можно указать следующие недостатки этого издания.

- (1) Автору не хватает определенной систематичности в изложении, впрочем, это вызвано жанром (расшифровка лекций с минимальной стилистической обработкой) и частично компенсируется тем, что текст производит впечатление живого рассказа.
- (2) Тем не менее ответы на вопросы и некоторые комментарии автора подаются в третьем лице, что выглядит очень непривычно и тяжело, например: «В ходе дискуссии вопрошающий утверждал, что Андрей Баумейстер не понимает того, что вопрошаемый хотел донести. Андрей Баумейстер выслушал вопрошающего и с уваже-

нием отнесся к его аргументам» (там же: 89). Гораздо логичнее было бы это и другие похожие места оформить в виде диалога.

- (3) В тексте довольно часто встречаются опечатки.
- (4) В книге отсутствует введение и, что самое главное, заключение. Было бы полезно в нескольких абзацах подвести итоги прочитанного курса, ведь каждая лекция — это отдельное повествование, и определенно стоит показать их взаимосвязь. А кроме того, дать советы читателям: какой уровень знаний у них предполагается и какую литературу можно в дальнейшем читать (то есть привести библиографический список).

Приведенные недостатки хотя и не позволяют использовать книгу в качестве полноценного учебника, не умаляют ее достоинств и актуальности для русскоязычного читателя. Повествование ведется на вполне доступном языке, автор старается разъяснять все сложные термины и новые идеи, приводит много примеров «на пальцах». Поэтому книгу можно рекомендовать для изучения студентам, аспирантам, преподавателям в области философии, теологии, естественных наук и всем, кто хочет разобраться для себя основные вехи в развитии классической и современной философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

- Баумейстер А. О.* Лекции по метафизике. — М. : Русская философия, 2023.
- Воронцов Е. А.* Логика : учебное пособие. — М. : ИНФРА-М, 2023.
- Гаспарян Д. Э.* Введение в неклассическую философию. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
- Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое / пер. с нем. И. А. Акчурина, Э. П. Андреева. — М. : Наука, 1989.
- Куртов М. А.* К теологии кода. Генезис графического пользовательского интерфейса. — СПб. : Книжный дом, 2014.
- Лакс М. Д., Крист Т. М.* Метафизика : Современное введение / под ред. С. М. Левина ; пер. с англ. М. В. Семиколенных. — М. : Высшая школа экономики, 2024.
- Лебедев С. А.* Философия науки : курс лекций. — М. : Проспект, 2023.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. — М., СПб. : Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998.
- Мануссакис Д. П.* Бог после метафизики. Богословская эстетика / под ред. Ю. Черноморца ; пер. с англ. Д. Морозовой. — Киев : Дух і літера, 2014.
- Меньшиков В. М.* Сознание как предмет целостного теологического, философского и научного исследования : монография. — М. : Квадрига, 2024.

- Новое естественное богословие / под ред. У. Крейга, Д. Морленда ; пер. с англ. О. Агаркова. — М. : ББИ, 2014.
- Оксфордское руководство по философской теологии / под ред. Т. П. Флинта, М. К. Рея. — М. : Языки славянской культуры, 2013.
- Сундберн Р. Существование Бога / пер. с англ. М. О. Кедровой. — М. : Языки славянской культуры, 2014.
- Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / пер. с англ. А. Калинина. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Шредингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки / пер. с англ. Ю. А. Данилова. — Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2002.

Musin, A. I. 2025. "Na volne metafizicheskogo povorota [On the Wave of the Metaphysical Turn]: retsenziya na knigu A. O. Baumeystera 'Lektsii po metafizike' [A Review of A. O. Baumeister's Book 'Lectures on Metaphysics']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (1), 401–422.

ARTEM MUSIN

DEACON

PHD IN PHYSICS AND MATHEMATICS

ASSOCIATE PROFESSOR

VYATKA STATE UNIVERSITY (KIROV, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-3167-9023

ON THE WAVE OF THE METAPHYSICAL TURN

A REVIEW OF A. O. BAUMEISTER'S BOOK "LECTURES ON METAPHYSICS"

BAUMEYSTER, A. O. 2023. *LEKTSII PO METAFIZIKE [METAPHYSICS: LECTURES]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: RUSSKAYA FILOSOFIYA [RUSSIAN PHILOSOPHY]

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-1-401-422.

REFERENCES

- Baumeyster, A. O. 2023. *Lektsii po metafizike [Metaphysics: Lectures]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Russkaya filosofiya [Russian Philosophy].
- Craig, W. L., and J. P. Moreland, eds. 2014. *Novoye yestestvennoye bogosloviye [The Blackwell Companion to Natural Theology]* [in Russian]. Trans. from the English by O. Agarkov. Moskva [Moscow]: BBI [St. Andrew Biblical Theological Institute].
- Flint, T. P., and M. K. Rey, eds. 2013. *Oksfordskoye rukovodstvo po filosofskoy teologii* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Gasparyan, D. E. 2011. *Vvedeniye v neklassicheskuyu filosofiyu [Introduction to Non-Classical Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Heisenberg, W. 1989. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloye [Physik und Philosophie. Der Teil und das Ganze]* [in Russian]. Trans. from the German by I. A. Akchurin and E. P. Andreyev. Moskva [Moscow]: Nauka.

- Kurtov, M. A. 2014. *K teologii koda. Genezis graficheskogo pol'zovatel'skogo interfeysa* [On the Theology of Code: The Genesis of the Graphical User Interface] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Knizhnyy dom.
- Lebedev, S. A. 2023. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]: kurs lektsiy [Lectures] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Prospekt.
- Loux, M. J., and T. M. Crisp. 2024. *Metafizika* [Metaphysics]: *Sovremennoye vvedeniye* [A Contemporary Introduction] [in Russian]. Ed. by S. M. Levin. Trans. from the English by M. V. Semikolennykh. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- Lytard, J.-F. 1998. *Sostoyaniye postmoderna* [La condition postmoderne] [in Russian]. Trans. from the French by H. A. Shmatko. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Institut eksperimental'noy sotsiologii / Aleteyya [The Institute of Experimental Sociology Publishing and Aleteja].
- Manoussakis, J. P. 2014. *Bog posle metafiziki. Bogoslovskaya estetika* [God after Metaphysics. Theological Aesthetics] [in Russian]. Ed. by Yu. Chernomorets. Trans. from the English by D. Morozova. Kiyev [Kiev]: Dukh i litera.
- Men'shikov, V. M. 2024. *Soznaniye kak predmet tselostnogo teologicheskogo, filosofskogo i nauchnogo issledovaniya* [Mind as a Subject of Holistic Theological, Philosophical and Scientific Research]: monografiya [Monograph] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kvadriga [Quadriga].
- Sandel, M. 2013. *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice: What's the Right Thing to Do?] [in Russian]. Trans. from the English by A. Kalinin. Moskva [Moscow]: Mann, Ivanov i Ferber.
- Schrödinger, E. 2002. *Chto takoye zhizn'? Fizicheskiiy aspekt zhivoy kletki* [What is Life? The Physical Aspect of the Living Cell] [in Russian]. Trans. from the English by Yu. A. Danilov. Izhevsk: Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika [Regular and Chaotic Dynamics].
- Swinburne, R. 2014. *Sushchestvovaniye Boga* [The Existence of God] [in Russian]. Trans. from the English by M. O. Kedrova. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Vorontsov, Ye. A. 2023. *Logika* [Logic]: *uchebnoye posobiye* [A Tutorial] [in Russian]. Moskva [Moscow]: INFRA-M.